

24. Теляшов Р. Трудное возвращение // Нур, 1991. №3. С.1–2.
25. Томилов Н. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири // Советская этнография, 1972. №6. С.87–97.
26. Томилов Н. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск: Издательство Томского университета, 1978.
27. Трофимова Т. Этногенез татар Поволжья в свете данных по антропологии. М., 1949.
28. Фаритов М. За кого будут голосовать мусульмане? // Независимая газета, 1996. 1 июня.
29. Халиков А. 500 русских фамилий татаро-булгарского происхождения. Казань: Казань, 1992.
30. Шкаратан О. Этносоциальная структура городского населения ТАССР // Советская этнография, 1970. №3. С.3–16.
31. Этносоциальные проблемы города. / Под ред. Ю.Бромлея. М.: Наука, 1986.
32. Юхнева Н. Изучение города как этнографическая проблема // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. С.141–147.
33. Юхнева Н. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга второй половины XIX века: Статистический анализ. Л.: Наука, 1984.
34. Ягфаров Р. О создании национально-культурной информационной системы татарского народа // Татар иле, 1995. №22.
35. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.
36. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference / Ed. by F.Barth. Bergen-Oslo, London: Universitets Forlaget, 1969. P.9–38
37. Blair A. Ruble. Cultural Ethnicity among the Tatars of Leningrad: an Ethnographic report // Canadian Review of Studies in Nationalism, XIII, 2. 1986. P.275–282.
38. Cohen A. Custom and Politics in Urban Africa: A study of Hausa Migrants in Yoruba Towns. London: Routledge and Kegan Paul, 1969.
39. Goffman E. Frame Analysis: An Essey on the Organization of Experience. Boston: Northeastern Univ. Press, 1974.

Ольга Бредникова

**«Вообще-то я русский...
Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор,
я чувствую, что я все-таки немец...»**

Небольшое предисловие

Методологической предпосылкой исследования стало утверждение, что объяснение этничности как социального феномена возможно лишь посредством феноменологического анализа, через длительное общение и наблюдение людей в их повседневности. Этническая идентичность исследовалась как самоопределение, приписывание себя некоторому референту и, соответственно, наделение себя качествами, «характеризующими» этот референт. В ходе исследования было взято 22 биографических проблемно-ориентированных интервью у информантов, назвавших себя немцами. Таким образом, через общение с ними, их саморефлексию этничность исследовалась как дискурсивная стратегия говорения о себе и других. Подобное исследование позволяет понять причины и смысл конструирования «жизненного мира» посредством этнических терминов, раздел мира на «немцев» и «не-немцев»; дать некоторое объяснение феномену восприимчивости этнической идентичности. Однако исследование лишь вербальных практик недостаточно для того, чтобы понять «реальность» исследуемых. Необходимо участвующее наблюдение повседневности как конструирование «общего», «совместного мира». Повседневность трудновербализуема, попытки разговоров о ней практически всегда неудачны. Это связано, прежде всего, с непроблематичностью повседневности, ее обыденностью. Почти невозможно найти языковые средства для выражения того, что считается «само собой разумеющимся». Есть некоторые методы проблематизации обыденной реальности социологами. Например, почти «экстремистский» метод разрушения фоновых ожиданий Гарфинкеля [56]. Но гуманней, как мы считаем, и адекватней нашему исследованию – так называемый этнографический метод, в случае которого социолог исполняет роль «чу-

жестранца в своей культуре»¹. Метод дает возможность не принимать на веру то, что исследуемые считают само собой разумеющимся. Именно его мы попытались применить в исследовании.

Наблюдение проходило, в основном, на территории «немецких» организаций города и, насколько это было возможно, дома у информантов. Но все же основное внимание было уделено интервью. В качестве информантов выступали люди, идентифицирующие себя с «немцами». Как правило, поиск шел через формальные немецкие организации города, далее методом «снежного кома». Для поиска информантов, не включенных в формальные организации, использовались сети личных знакомств.

Итак, что же представляет собой конкретное сообщество в современном крупном городе, определяющее себя в этнических терминах? В традиции советской этнологии и этносоциологии этническая группа определялась как реально существующая общность людей, обладающих общими особенностями культуры (прежде всего языка), психики и самосознания [5]. Таким образом, этническая группа наделялась некоторой телесностью, а «объективные» критерии, определяемые исследователями, не позволяли сомневаться в ее реальном существовании. Ни один из критериев выделения в отдельную этническую группу немцев Санкт-Петербурга сегодня «не работает». Так, не может идти речи об особости языка, специфичности культуры или конфессии, «чистоте» кровного родства и т.д. Социальные субъекты сами выбирают себе те характеристики, которые легитимизируют их роль в каждой конкретной ситуации. Этническая группа – социально конструируемый феномен. Она неустойчива, ситуативна. Поэтому нам было интересно исследовать тот базис, на котором строятся сегодняшние этнические солидарности; понять, когда и почему актуализируется и мобилизуется этническая идентичность, каким образом происходит формирование и поддержание границ фактически новой этнической группы – немцев Санкт-Петербурга.

Обзор исследований

Приведенная ниже библиография демонстрирует динамику интереса к российским немцам, всплеск которого наблюдался в конце 80-х – начале 90-х годов. И это вполне объяснимо: практически за

¹ Здесь мне хочется сослаться прежде всего на работу Ирвина Гоффмана, где наиболее полно представлены метод и результаты его применения [57].

крытая ранее тема растабуирована; набирают силу национальные общественные движения, среди которых и движение сначала Всесоюзного, а позднее Межгосударственного объединения «Видергебурт» (Возрождение), основная задача которого – восстановление немецкой автономии в Поволжье; усиливающийся поток эмиграции русских немцев воспринимается как реальная социальная проблема, которая требует осмысления.

Большинство публикаций посвящено переписанной истории немцев в России [15; 31; 51 и др.], в том числе, и в дискурсе общественных движений [2; 13; 14 и др.]. Хочется отметить изобилие «немецких» фамилий среди авторов, таким образом, исследование «самих себя» становится идентификационной и рыночной нишей.

Параллельно с переписыванием истории идет осмысление современных этносоциальных процессов, активно проводятся социологические и этнографические исследования российских немцев в различных регионах страны [1; 6; 37; 45 и др.]. Исследователи, применяя традиционные для советской социологии количественные методы, рассматривают «объективные этнические маркеры», такие как знание языка, религиозность, обрядовость, и приходят к выводу, что «главным этническим процессом в среде немецкого населения является процесс ассимиляции» [37, с.5]. В данном исследовании речь шла о немцах Поволжья, но исследователи так называемых компактных поселений в других регионах тоже приходят к этому же выводу. Однако, несмотря на активный процесс ассимиляции, признается факт сохранения самосознания группы [45; 1 и др.]. Более того, по мнению Н.Смольниковой, «процесс усилившейся в последнее время ассимиляции <...> явился главной причиной активизации национального немецкого движения и актуализации самосознания» [37, с.8]. Такая причинно-следственная связь вызывает большие сомнения, ибо ассимиляция предполагает «растворение», утрату как раз этого самого самосознания.

Помимо методов, традиционным остается и подход к исследованию, когда объект рассматривается, прежде всего, как социальная проблема, но не как социальный факт. Проблема требует решения, поэтому основной задачей исследователя становятся рекомендации по «решению проблемы». В качестве панацеи от ассимиляции (а она оценивается отрицательно) и эмиграции немцев (ее возрастающий поток рассматривается как угроза существованию группы) предлагается восстановление автономии и создание компактных поселений: «Главным и единственным средством для прекращения массовой

эмиграции и сохранения советских немцев как национальности является восстановление их национальной государственности как на Волге, так и в других местах, как в форме республики, <...> так и в форме национальных районов и сельсоветов, а также национально-культурных обществ (для городского и рассеянного населения, которое не пожелает переселиться в национальные районы по экономическим и профессиональным соображениям, но еще сохраняет национальное самосознание)» [24, с.165–166].

Для исследователей не встает вопрос: кто такие немцы? Как правило, основанием выбора респондентов становится соответствующая запись в паспорте. Активно используются данные переписей населения. Впрочем, они вызывают сомнения, например, «[в связи с большой долей межнациональных браков] встает проблема уточнения численности немецкого населения в сторону увеличения данных переписей» [37, с.5. Здесь, очевидно, немцы имплицитно рассматриваются как группа, связанная «кровными узами»].

В моем исследовании необходимым и достаточным условием выбора информантов был вопрос самоидентификации. Проводя исследование границ этнической группы, я попыталась ответить на вопрос «Кто же такие немцы?».

Проблемы конструирования этнической идентичности

«Историческая память»

Сегодняшние петербургские немцы постоянно апеллируют к факту давности и, как следствие, легитимности своего проживания в Санкт-Петербурге: «В городе, где больше 60 зданий построено моими предками, где мой семейный склеп на Смоленском кладбище... это дает совсем другое ощущение, то есть вот они, мои корни. И я их люблю!» (муж., 1951). Не менее важным оказывается «немецкость» российского Петербурга, которая до сих пор «заметна» в городе. Практически все информанты упоминали эти «немецкие» приметы: больницы имени Раухфуса и Отта; институт имени Лесгафта; Кирочную улицу, ведущую свое название от лютеранской кирхи, прихожанами которой были немцы; и, конечно, тот факт, что город носит немецкое имя – Санкт-Петербург. «Немецкая культура <...> всегда в Санкт-Петербурге и Ленинграде была заметной. Она осязательна в зданиях, в памятниках, она осязательна и в самих людях

потому что в Санкт-Петербурге проживает очень много российских немцев» (жен., 1955).

Анализ процесса формирования немецкой общины в Петербурге уже достаточно подробно описан [53; 54]. Согласно исследованиям Н.Юхневой, «основными источниками пополнения немецкой этнической группы в Петербурге во второй половине XIX в. были иностранцы и жители Прибалтики, к началу XX в. некоторое значение приобрел еще один источник – колонисты²» [53, с.182]. Социальный состав немцев Санкт-Петербурга в конце прошлого и начале нынешнего веков был весьма «пестрым»: дворяне, мещане, ремесленники, крестьяне, живущие на окраинах города. Существовали свои этнические ниши в экономике (например, ювелиры, булочники, врачи [53, с.185–188]). Более того, можно говорить о жилищной сегрегации различных сословных и профессиональных групп немцев. Наиболее «немецким» был Васильевский остров. Прежняя социальная структура группы играет определенную роль в конструировании сегодняшних представлений о «настоящих немцах». Так, деление немцев на «городских» и «колонистов» даже вызвало дискуссию на страницах «Neues Leben»: «Разумеется, <...> “городских” <...> нельзя назвать российскими немцами в полном смысле этого слова, так как история их появления и судьба в России в корне расходятся с историческим путем немецких колонистов – наиболее типичных российских немцев» [50]. Дискуссия разгорелась по поводу включения «городских» немцев в создаваемую «Энциклопедию российских немцев». Но подобное деление существует не только на страницах газеты. Иногда спор о «большой немецкости» (суть которого, в конечном итоге, сводится к тому, кто же дольше сохранял «правила немецкой жизни» – горожане или колонисты) существует и на уровне индивидуальных идентичностей. Но подробнее об этом ниже.

До революции и в советское время до начала 30-х годов «немецкая» жизнь в городе была довольно активной. Существовало множество различных культурных обществ, немецкие школы (самые известные – Петершule и Аннешule, «воссозданные» сегодня). Если под общиной понимать социальные сети с конструированием групповых границ, то можно говорить о существовании немецкой общины в Ленинграде. С началом репрессий в городе стало уменьшаться

² Немецкие сельскохозяйственные колонии вокруг Петербурга представляли собой довольно замкнутые общины, в которых, благодаря их замкнутости, вплоть до 20–30-х годов нынешнего столетия воспроизводились образцы немецкой жизни, привезенные когда-то из Германии (см., напр.: [10, 11, 52 и др.]).

число немцев. А после известного указа 1941 года почти все немцы, официально «числившиеся» немцами (запись в паспорте), были поселены и высланы, кто на спецпоселение, а кто в трудармию. Таким образом, в городе остались лишь немногие, имевшие в паспорте такие записи в графе «национальность».

Итак, немецкая община в Санкт-Петербурге существовала в прошлом. Но форсированный процесс «советизации», дискриминация по национальному признаку способствовали ускоренному расхождению среди «своих» – советских, даже запись в паспорте стараясь изменить всевозможными способами. «Но в паспорте он [отец] писался русским. Ну, как все... какими-то путями... нормальные люди, умные, записывались [смеется], чтобы не сгнить в Сибири. Во вступительных сибирских руд!» (жен., 1947). Община фактически была разрушена, немецкая идентичность не востребовалась, национальность, как правило, была значимой лишь в бюрократическом пространстве.

Сколько сейчас проживает немцев в Петербурге, сказать затруднительно. Если брать официальную статистику, учитывающую формальные критерии, определяемые государством, то эта картина диалектична: с одной стороны, неиссякаемый поток эмигрантов в Германию, а с другой стороны, миграция российских немцев в Санкт-Петербург из провинции и новых государств постсоветского пространства. Не следует забывать также и о смене национальности в паспорте как легитимации своей сегодняшней идентичности – все это тяжело поддается учету. Согласно Всесоюзной переписи населения 1990 года, численность немцев в Ленинграде составляла 3570 человек [33, с.7].

Как показали наблюдения и беседы с людьми, сегодня «немцев» делает «немцами» не этнический фон (когда культурным различиям приписывается этнический характер) и не определение извне (стигматизирование). Единственно значимым внешним маркером «немецкости» остается «нерусская» фамилия (имена давно уже не воспроизводятся). По этому признаку вспоминались и факты дискриминации. «Вы знаете, я думаю, что я с первого захода в Универ не поступила. Я это сейчас связываю с фамилией. Потому что я заканчивала тридцатку [номер школы] при Университете, в общем-то, заканчивала... ну, я знала, на каком месте я в своем классе. Я думаю, что отдельные недочеты у моей подруги русской проскочили на вступительных, для меня оказались более серьезными» (жен., 1953). Но, в общем-то, это лишь эпизодические случаи. Нель-

зя говорить о том, что актуализация этничности шла через дискриминацию, как это, например, зачастую происходило с формированием еврейской идентичности. «Трудности были одинаковыми для всего народа, независимо от какой-то национальности. Да, для нашей национальности были ограничения разные, но если не разрешалось в одном учреждении, то шел поступать в другое и приобретал профессию. А потом уже, если тебе это было неинтересно, можно было уже скорректировать» (жен., 1952). Тем более, что бытовая ксенофобия вспоминалась довольно редко, скорее, наоборот: «...я познакомилась с женщиной ... – в очереди стояли. Она так смотрит, смотрит на меня: а вы знаете, у вас на лице написано, что вы, наверное, наценка какая-то! Я говорю: правильно, я немка. Она говорит: вы знаете, что-то есть в лице у вас. По вашему облику, чистенькая такая! Я говорю: таких, как я, много, чистеньких старушек-то» (жен., 1913). А если в биографическом повествовании и упоминались случаи ксенофобии на бытовом уровне, то их происхождение объяснялось необразованностью, низкой культурой обидчиков. Таким образом, защитные стратегии строились на позиции «выше» и «над», а следовательно, обиды не стоили особого внимания. Как правило, информанты воспроизводили положительные стереотипы в отношении себя со стороны окружения.

Смею утверждать, что процесс конструирования этнической идентичности для моих информантов сегодня приобретает форму «добровольной стигматизации», как добровольное взятие на себя роли немца и презентация себя в этой роли. Происходит приписывание себе некоторых качеств, формулируемых как этнические коды, отличающие «своих» от «других». Леонид Ионин писал, что массовая дезидентификация, связанная, прежде всего, с глобальными социальными изменениями, и «известная ожесточенная борьба за существование» в сегодняшней российской реальности становятся причиной повышения роли аскриптивных характеристик [12, с.249], одной из которых становится этничность. Это тот идентификационный код, который «лежит на поверхности» и, в случае необходимости, легко может быть востребован.

Согласно бытующим в обществе мифам, этничность – наследуемая характеристика, именно поэтому биография семьи, семейные предания – конструирующий признак идентичности. Поиск «корней» – основа ее построения. Генеалогия, изначальной задачей которой было устанавливать и оформлять сословные привилегии, легитимировать их в обществе, порождает миф о первоисточке благород-

ства, о его прямом наследовании. Таким образом, все достижения предыдущих поколений, их прежние статусы как бы автоматически переносятся на счастливого обладателя именитых предков. При этом главное – найти «нужного». При конструировании немецкой идентичности, соответственно, востребуется «немецкая» семейная история³. Но «кровное» родство в связи с его «прерванностью» уже видится больше как историческое. Причем понятие родственников и семьи трансформируется вглубь, расширяется до того момента, когда можно сказать, что прапрапредок – немец. На обыкновенный вопрос о семье респондент отвечает: «В одна тысяча восемьсот сорок четвертом году, в мае месяце...» (из частной беседы). Таким образом, поиск корней становится основой для построения сегодняшней идентичности.

Утерянная предыдущими поколениями этническая идентичность ныне актуализируется, ложится в основу построения жизненных стратегий. На разделенной «исторической памяти» возводится новый конструкт этничности. «Существование» референта, приписывание к которому конституирует идентичность, порождает миф об «общем происхождении» и об «общей истории» группы. На базе представления о единстве переосмысливается и конструируется прошлое с позиции настоящего. В «общей истории» значимыми вехами становятся два момента: прибытие предков-немцев в Россию (как точка отсчета существования группы) и репрессии (как основание особого статуса сегодня). Каждая рассказанная семейная история привязана к этим двум основным событиям.

В таких конструктах «коллективного прошлого» значимы и места памяти как некие места на карте, объединяющие с прошлым. С этими местами символически связано понятие Родины: «Родина? Да, пожалуй, здесь. Я пыталась сейчас сказать, что Россия, но не получилось. Это Санкт-Петербург... Германия? Ну, Германия очень давняя...» (жен., 1953, уроженка Ленинграда); «Ну, Санкт-Петербург моя родина. Потому что с ним ничего не сравнится. Никакой там Лос-Анджелес или Вашингтон! Потому что я ощущаю себя коренным жителем, и это моя Родина» (жен., 1947, уроженка Ленинграда). Петербург как место сегодняшнего проживания становится «своим» и для приехавших: «Ну, кстати, Петербург – удивительный город. Я много где был, и в Москве... Но вот в Петербурге

³ При Генеалогическом обществе Санкт-Петербурга отдельно существует немецкая секция.

очень спокойно реагируют на мою фамилию» (муж., 1961). Локальной идентичности, связанной с местом рождения, не возникает. Однако важным для всех «местом памяти» становится бывшая Республика Поволжья. Не как географическое понятие, связанное с неким «истоком», но как символ отнятой автономии и независимости. Это стратегически важное место, хотя и не Родина, но некий ориентир в истории, момент несправедливости. Германию же, хоть она и «историческая»⁴, редко кто воспринимает как свою собственную родину, это «чужое». «То, что в Германии, – нет. Скажем так, что я себя чувствую очень дистанцированно. А уж, скорее, интерес к Поволжью. К тому, что там было раньше. То, что рассказывали наши старики» (жен., 1952).

Хотя в биографических повествованиях речь идет о «вспоминании своих корней», можно говорить не о воссоздании, а о формировании новой этнической группы – немцы Санкт-Петербурга. Возводятся новые групповые границы и реконструируется образ немца, адаптированного к сегодняшним реалиям.

Социализация в «немецкой» среде при конструировании такой идентичности не играет важной роли. Хотя у многих на памяти, в детстве, еще воспроизводились некие образцы «немецкой жизни», но воспоминания, как правило, сводятся к элементам быта, фактически невозпроизводимого сегодня. Чаще вспоминают особую кухню: «Мой папа еще очень любил готовить то же – не знаю, немецкое ли это блюдо, но он его так называл, – это морковь в молочном соусе» (жен., 1947), «Хорошо очень готовили колбасы. Даже считалось чем-то зазорным покупать колбасу в магазине. У каждого была своя домашняя колбаса» (муж., 1949). Или просто ностальгическое воспоминание детства: «И уже эта специфика – запах этого вареного кофе с молоком и крепеля. В немецких семьях уже не все знают, если сохранил, то это уже чувство... Вот этот запах кофе и крепеля, на котором ты вырос, если им вскормлен как грудным молоком, вот» (жен., 1952).

Даже если первичная социализация проходила в «немецкой» среде (то есть те правила повседневной жизни, которые воспроизводили в семье, назывались «немецкими»), то жизнь в советской стране и, более того, в крупном городе, практически разрушила прежний конструкт этничности, в большинстве случаев немецкая идентич-

⁴ Кстати, это словосочетание – историческая родина – связывалось ранее только с евреями и Израилем. Сейчас информанты если и употребляли его в отношении Германии, то с большой иронией. Очевидно, сказываются сильные стереотипы СМИ.

